

УДК 314.74(571.6)

ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО И ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ
НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НАЧАЛА XXI В.

А.С. Вашук, Г.Г. Ермак

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
ул. Пушкинская 89, г. Владивосток, 690001,
e-mail: va_lina@mail.ru, gaermak@yandex.ru

Проблема пребывания трудовых мигрантов анализируется на основе синтеза общественно-политического подхода и этносоциологического метода, позволяющего на материалах исследования в Дальневосточном регионе прийти к выводу: трудовые мигранты и принимающее сообщество в период трансформаций попадают в «историческую ловушку». Она образуется при столкновении разных форм общественной самоорганизации: институтов формирующегося гражданского общества и трудовых мигрантов в регионе. Последние тяготеют к общине или группам, которые находятся на стадии диаспоризации. Учитывается фактор идентичности.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, гражданское общество, идентичность, этничность, традиция.

Постановка проблемы. Вопросы пребывания трудовых мигрантов в Дальневосточном регионе сегодня продолжают быть в центре внимания исследователей и политиков. Среди ученых уже сложились разные суждения относительно возникающих проблем в сфере использования иностранной рабочей силы на Дальнем Востоке [1, с. 278–387; 6; 12, с. 73–91; 21, с. 380–421; 27] и, пожалуй, эта тема относится к числу самых обсуждаемых в научном и экспертном сообществах. В настоящее время исследователи активно обращаются к концепции национальной безопасности, чаще всего акцент делается на выявлении угроз в миграционной сфере, анализируются аспекты нарушения российских законов, выделяется вопрос конфликтности между принимающим сообществом и иностранными работниками, оценивается уровень толерантности дальневосточников [например: 14; 18, с. 99–201; 35, с. 802–819]. Однако на современном этапе важно понять причины интолерантности принимающего социума и одновременно видеть проблемы иностранных трудовых мигрантов, которые в совокупности с первыми во многом определяют социальную атмосферу на востоке России.

Цель данной статьи – определить историческую специфику проблемной ситуации для иностранных трудовых мигрантов на юге Дальнего Востока и принимающего сообщества, возникшую в условиях трансформации в начале XXI в. Для достижения цели авторы ставят следующие задачи. 1. Выявить формы солидарности и ха-

рактер идентичности в принимающем дальневосточном сообществе, определить их содержание как повышающего или понижающего ресурса для адаптации иностранных трудовых мигрантов в регионе. 2. Раскрыть особенности солидаризации трудовых мигрантов из государств Средней Азии и Китая в условиях рынка, проанализировать специфику созданных общественных организаций, представляющих интересы мигрантов.

Высоко оценивая исследовательский багаж предшественников [например: 5, с. 128–192; 11; 32; 33; 34, с. 802–819], и опираясь на их достижения, предлагаем проанализировать ситуацию с учетом сегодняшних общественно-политических и этносоциальных реалий на основе синтетического подхода, при котором общественно-политический анализ дополняется этносоциологическим методом. В качестве основополагающих понятий, выполняющих функцию методологических ориентиров, выбраны «формы солидарности» у принимающего сообщества и трудовых мигрантов и «фактор идентичности» у них. Важно отметить, что такой метод требует введения в научный оборот особого набора источников, который также отражает новизну постановки проблемы.

Источники и методика. Чтобы определить общественно-политические условия формирования толерантности дальневосточников (а в качестве таковых выступает степень развитости гражданского общества внутри Дальневосточного региона), был использован комплекс источников: доклады региональных общественных палат При-

морского [7, 8] и Хабаровского краев [9], Амурской области [10]. С другой стороны, важно было получить ответ на вопрос – в какой степени развиты ориентации трудовых мигрантов на гражданские ценности, и определить – какие же ресурсы больше используются трудовыми мигрантами в период обустройства? С этой целью использовались интервью с лидерами общественных организаций и иностранными трудовыми мигрантами (25 интервью с лидерами, 2015 г., и 25 – с трудовыми мигрантами, 2014–2015 гг.). Опросы осуществлялись методом полуструктурированного интервьюирования в мягком формате (semidirective guide) в форме личной беседы опрашивающего (интервьюер) с опрашиваемым (респондент-эксперт) в соответствии с опросным листом (путеводителем). Важнейшим источником для реализации нашего замысла стал социологический опрос (Общероссийский опрос, 2014 г. [15], выборка по Приморскому краю – 200 чел.). В научный оборот введены заключения экспертов, а также авторские подготовительные материалы, апробированные на заседаниях ситуационного анализа в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (2013–2015 гг.) [4, 17, 24, 25]. Представляется, что постановка вопроса может быть информационной основой для принятия многих управленческих решений, направленных на сохранение здоровой общественной обстановки в регионе – важнейшего условия регионального развития.

Формы самоорганизации населения на Дальнем Востоке. Главный тезис статьи можно сформулировать в следующей формуле. На территории Дальнего Востока в начале XXI в. в условиях социальной трансформации происходит столкновение двух форм социальной самоорганизации, вследствие чего создается ситуация «исторической ловушки». В ходе реформ, их последствий дальневосточное сообщество как часть российского общества переживает сложный этап модернизации и одновременно начальный этап формирования гражданского общества. Но, с другой стороны, мигранты, в том числе и трудовые, солидаризируются чаще всего через общину, либо обращаются к ресурсам объединений, находящихся на стадии диаспоризации. Община и гражданское общество представляют собой разные формы социальной самоорганизации, они отличаются друг от друга градусом сплоченности, временным лагом функционирования, системой ценностей. Это порождает разные формы взаимных претензий, с которыми трудно справиться и националь-

ной политике, и миграционной.

Можно выделить основные черты формирования гражданского общества в регионе, которые характеризуют общественную среду для интеграции мигрантов. Во-первых, наблюдается активный процесс институализации, постоянно возникают объединения атомизированных граждан, которые собрались или собираются для решения одной конкретной проблемы, затрагивающей всех или отдельные группы. Во-вторых, характер и деятельность общественных объединений тесно связаны с отличительными ментальными особенностями дальневосточников, у которых преобладает государственная идентичность. Например, она характерна для 79,6% приморцев – респондентов городского населения, и для 71,1% сельского [15].

Государственная идентичность дальневосточников сопровождается сохранением элементов интолерантности к определенным этническим группам, что и отражается на отношении к мигрантам. Замеры общественного мнения показали, что старожильческое большинство в крае отрицательно относится к строительству храмовых сооружений мусульман. Среди опрошенных приморцев в августе 2012 г. (выборочная совокупность составила 1300 чел.) только 8,4% в крае и 3,7% в краевом центре положительно отнеслись к строительству мечети, тогда как половина опрошенных в регионе и почти две трети во Владивостоке отнеслись к идее такого строительства отрицательно. И это при том, что отдельные группы населения, исповедующие ислам, появились в регионе еще в середине XIX столетия [28]. К перспективе найма мигрантов в качестве охранников школ, детских садов отрицательно относятся 61% респондентов; 54% опрошенных не хотят видеть представителей трудовых мигрантов работающими младшим медицинским персоналом в поликлиниках и больницах; 41% полагает, что именно с мигрантами связаны возможные конфликты; 30,5% опрошенных отрицательно относятся к тому, что мигранты уже сегодня активно заняты малоквалифицированным трудом в сфере ЖКХ [15].

Но все-таки в последние два года наблюдаются определенные подвижки в восприятии трудовых мигрантов дальневосточниками, что внушает некоторую надежду на включение трудовых мигрантов в систему общественных объединений гражданского общества. Респонденты считают, что необходима массовая вакцинация мигрантов и целенаправленные меры по их социально-культурной адаптации. Так, 57% респондентов поддерживают идею обучения мигрантов русскому

языку в специальных центрах; 15,5% считают, что мигранты должны самостоятельно платить за обучение; 58% опрошенных поддерживают идею дополнительного обучения детей мигрантов русскому языку; 20,5% уверены, что платить за обучение своих детей должны сами мигранты; 42,5% респондентов поддерживают идею предоставления трудовым мигрантам услуг юридической помощи, лечения, информации для поиска работы, повышения профессиональной квалификации в специальных центрах. Более того, 8,5% считают, что такие центры необходимы только для тех мигрантов, кто намерен остаться в России; 17% считают, что услуги в таких центрах должны быть платными [15].

Особенности самоорганизации трудовых мигрантов в регионе. У иностранных трудовых мигрантов преобладает этническая идентичность, которая в условиях формирования гражданского общества и превращается в раздражающий фактор принимающего сообщества с государственной идентичностью. Но с другой стороны этническая идентичность в регионе – это один из ресурсов адаптации иностранных трудовых мигрантов. Процесс институализации НКО (некоммерческих организаций), которые, в свою очередь, занимались бы вопросами трудовых мигрантов в регионе в начале XXI в., идет очень медленно [18, с. 186–201]. На круглом столе в Биробиджане все участники отметили, что в некоммерческих организациях зачастую наблюдается отсутствие мероприятий, в уставной деятельности которых зафиксирована «социальная адаптация и содействие интеграции мигрантов и принимающего сообщества» в субъектах ДФО [29]. Например, в Приморье на основе гражданских ценностей была организована региональная общественная организация «Консультационный центр по вопросам миграции и межэтнических отношений» (зарегистрирована 20.07.2011) (ПРОО «Миграция») [27]. К этому типу можно отнести и Еврейское областное региональное отделение общероссийской общественной организации «Муниципальная академия» (регистрация 15.12.2002). В рамках реализации проекта «Мигранты и общество» она предоставляла бесплатные юридические консультации по правовым вопросам в миграционной сфере [31], (но в 2016 г. она прекратила свою деятельность).

Тезис о медленном процессе институализации НКО мигрантов с ориентацией на ценности гражданского общества подтверждается и исследованиями других авторов [12, с. 131]. Определенные политические возможности имелись

у Всероссийского азербайджанского конгресса (ВАК), в некоторых аспектах он выступал как аналог консульской системы Азербайджана. Структура ВАК учитывает федеративное деление России, дальневосточное окружное отделение находится в Хабаровске [12, с. 131]. Но на Дальнем Востоке отделения ВАК в своей деятельности оказались пассивными.

На некоторых территориях, в частности в Приморском крае, прослеживается доминирование религиозного фактора как основы для солидарности и помощи соотечественникам. Нередко он является ведущим маркером идентичности у представителей разных мигрантских этнических групп и ярко выражен в деятельности общественных объединений. Например, общественная организация «Чеченская община «Вайнах» («наш народ») города Находка» осуществляет многопрофильную деятельность по продвижению интересов соотечественников-чеченцев, но с опорой на традиционные ценности ислама. Представители трудовых мигрантов из государств Центральной Азии находят помощь и поддержку в религиозных общинах. В Приморье духовные лидеры-имамы, имеющие специальное образование, – это, как правило, выходцы из Средней (Центральной) Азии, плохо знающие русский язык. Так, в молельном доме Артемовского городского округа имам – таджик, он получил образование в Саудовской Аравии, русский язык знает плохо, проповеди читает на таджикском языке, и основные прихожане молельного дома – таджики. На пятничную молитву собирается 200–300 чел., а по главным праздникам Ураза-Байрам и Курбан-Байрам в молельном доме и его округе совершают намаз 800–1000 чел. [25].

Лидеры и активисты религиозных организаций считают, что для приморских мусульман, когда большинство религиозной общины составляют трудовые мигранты из государств Средней Азии, такая направленность деятельности – наиболее оптимальный вариант в период адаптации [25]. В Приморье появились нехарактерные для местных мусульман религиозные течения. Московский религиовед Р. Силантьев 6 августа 2014 г. на встрече с журналистами в пресс-центре «Комсомольской правды» в г. Благовещенске сообщил о том, что «на Дальнем Востоке самый «тяжелый» регион — Приморье, там действительно существует проблема терроризма» [2].

Другая группа – это организации, в деятельности которых больше прослеживался секулярный характер и всесторонняя поддержка приезжим. К ним можно отнести общественные организации:

Находкинская азербайджанская диаспора «Достлуг» («Дружба»), общественная организация, объединяющая выходцев из Киргизии, – «Ынтымак» («Дружба»), общественная организация киргизской диаспоры («Мекендештер» – «Соотечественники»), Приморская региональная общественная организация таджикской диаспоры «Дусти» («Дружба», г. Артем), общественная организация узбеков и уроженцев Узбекистана «Адолат» («Справедливость»).

Основные черты солидаризации иностранных трудовых мигрантов во многом определяются характером миграции. На Дальнем Востоке преобладали и преобладают маятниковые миграции, которые определяют и жизненные стратегии иностранных работников (вернуться на родину), следовательно, крайне низкую степень ориентации на интеграцию в местное социально-культурное и экономическое пространство, высокую долю тех, кто делает ставку только на получение работы, источников дохода и временное пребывание. Нами было взято интервью у 25 чел. (по национальности это 22 узбека и 3 таджика, в возрасте от 18 до 35 лет), и только 3 трудовых мигранта (2 узбека и 1 таджик) сказали, что они ориентированы остаться на Дальнем Востоке и готовы к интеграции в российское общество [17].

Трудовые мигранты из Узбекистана и Таджикистана, несмотря на то, что урегулирование многих их проблем связано с государственными и частными структурами (оформление документов, получение работы и услуг здравоохранения, образования), попадая в затруднительные ситуации, прибегают к ресурсам общин, которые в свою очередь объединяются не только по одному признаку – скажем, профессии, соседства, национальности, увлечений, сходства мировоззрения и т.д. В общине люди соприкасаются всеми основными аспектами своей жизни и деятельности. Община предполагает не объединение разумных эгоистов, когда их интересы случайно совпали, а личностные взаимоотношения людей, близко друг друга знающих и объединенных самим жизненным существованием и взаимопомощью. У иностранных трудовых мигрантов наличие работы стоит на первом месте, но здесь ресурсы этнических земляков часто становятся главными. В итоге поведенческие практики трудовых мигрантов формируются на стыке освоения ценностей гражданского общества и поддержки традиций своей страны. Им приходится осваивать часто меняющиеся правовые нормы в сфере миграционного регулирования и учиться подчиняться миграционному

режиму, но на повседневном уровне опираться на традиционный жизненный опыт.

В 2010 г. исследователь А. Прохорова провела оценку российского законодательства в области интеграции иммигрантов и сделала выводы: права мигрантов довольно сильно ограничены по таким направлениям, как политическое участие, защита от дискриминации и воссоединение с семьей. Лучше, но, конечно, не идеально, ситуация обстоит с правовым обеспечением доступа к рынку труда, долгосрочному пребыванию, получению гражданства [30]. Этот вывод можно экстраполировать и на территорию Дальнего Востока.

Исследуя вопрос об интеграции трудовых мигрантов в общественную жизнь, вынуждены отметить и роль фактора социально-психологического самочувствия трудовых мигрантов в 2010–2015 гг. на Дальнем Востоке. Как и в предыдущий период, это самочувствие характеризовалось относительно высокой степенью дискомфорта [18, с. 105]. Важно то, что это не привело к резкому ухудшению ситуации, связанной с пребыванием трудовых мигрантов из государств с мусульманской культурой. Хотя отдельные факты исламского радикализма в регионе присутствовали [23]. В их преодолении со стороны органов власти наблюдались меры, которые неоднозначно воспринимаются приезжими и их этническими земляками. Многослойная реакция на такие меры прослеживается и в интервью с руководителями общественных объединений. Хотя в интервью, в том числе и с трудовыми мигрантами, четкие формулировки отсутствуют, но рассказы изобилуют фактами такой направленности [3].

Выявленные многочисленные практики в деятельности объединений, созданных на этнокультурной основе, и высказывания лидеров общественных организаций, к ресурсам которых обращаются иностранные трудовые мигранты, свидетельствуют о том, что все-таки больше трудовые мигранты ориентированы на сохранение традиций. К развитию адаптационных стратегий с опорой на традицию подталкивают мигрантов и руководители государственных структур, при которых создаются общественные консультативные советы, представляющие институты гражданского общества, призванные сотрудничать с представителями органов власти и решать вопросы адаптации мигрантов.

Специфику современной проблемности формирует ситуация наделяния лидера мигрантского НКО статусом лидера диаспоры и необходимость решать сложные вопросы за всю «диас-

пору». В данном случае лидер может справиться с возложенными на него задачами, только опираясь на имеющийся традиционный опыт самоорганизации. Так, в сентябре 2011 г. в Приморском крае создана общественная организация узбеков и уроженцев Узбекистана «Адолат» («Справедливость»). Руководитель организации в ходе интервью рассказал, что при правлении создан совет старейшин (аксакалов), они и принимают важные для земляков решения, но для успешной адаптации мигрантов хорошо было бы организовать еще махаллю. Махалля — соседская община. Узбекская махалля имеет тысячелетнюю историю и является центром семейно-бытовых и религиозных обрядов и праздников. Сегодня махалля представляет собой территориальное объединение семей с целью кооперации и взаимопомощи как в традиционных частях городов, так и многоэтажных домов и улиц промышленных городов. Все население Узбекистана воспринимает их как эффективную форму организации общественной жизни. Закон от 2 сентября 1992 г. этой страны определяет, что органами самоуправления граждан по месту жительства являются сходы. Они избирают на 2,5 года председателя (аксакала) и его советников. Координационным органом является общественный неправительственный фонд «Махалля».

Учитывая, что сегодня важнейшей задачей в регионе является обеспечение участия рядового гражданина в территориальном общественном самоуправлении, можно предположить, что в случае компактного проживания выходцев из Узбекистана в городах Дальнего Востока при сохранении современных практик взаимодействия с мигрантами такой традиционный институт как махалля будет воссоздан, ибо современная российская правовая система не предлагает мигранту эффективных механизмов адаптации для достижения стоящих перед ним целей. Подобное разрешение вопроса может привести к непредвиденным обстоятельствам, в том числе с элементами риска для общественной безопасности, как это показал опыт Европы. По мере накопления миграционного эффекта в Приморском крае будет трансформироваться этнический состав мусульманской части населения региона в сторону увеличения доли выходцев из государств Средней Азии и Кавказа. Соответственно в этой части Дальнего Востока возрастет роль исламского фактора. Если даже оставить за скобками вопросы китайского присутствия, в регионе, видимо, усложнится характер межнациональных отношений.

Особыми этносоциальными характери-

стиками отличается китайский трудовой поток. В работах отечественных исследователей однозначного определения этносоциальной природы китайского присутствия в регионе нет [13; 16, с. 102–106; 21, с. 154–159]. В литературе можно обнаружить, пожалуй, лишь признание того, что характер китайской миграции в 2000-е гг. (по сравнению с предшествующим десятилетием) претерпевал изменения, и этот процесс может быть интерпретирован как «диаспоризация» [20]. Для понимания проблемы большое значение имеет заключение А.А. Киреева, проделавшего дополнительный сравнительный анализ соцопросов предшественников, чтобы определить природу присутствия китайцев на российском Дальнем Востоке (РДВ). Он пишет, что доступные данные не дают оснований говорить об интенсивном количественном росте и длительном расселении китайских мигрантов на территории РДВ в последнее двадцатилетие. Однако они свидетельствуют о том, в 2000-е гг. в регионе сложилась достаточно многочисленная (постоянно включавшая в себя не менее нескольких десятков тысяч человек) общность китайских мигрантов, большая часть представителей которой была сконцентрирована в крупнейших городских поселениях РДВ. Значительная численность и географическая компактность являются необходимыми предпосылками для трансформации «текучей» дисперсной группы мигрантов в устойчивую диаспору. Он также отмечает ускорение процесса намерений у китайских мигрантов осесть на РДВ, но вместе с тем особо подчеркивает значение предпосылок «субъективного» плана, которые отличаются своей нестабильностью, высокой чувствительностью к разного рода конъюнктурным факторам. Исследователь, интерпретируя введенные в научный оборот данные, с точки зрения степени социокультурной интегрированности (аккультурация, наличие устойчивого ядра китайцев региона), делает вывод о значительном преобладании совокупной доли слабоинтегрированных и неинтегрированных китайских мигрантов в регионе [19]. Процесс диаспоризации и практики поведения работников из КНР по-разному отражаются на взаимоотношениях с принимающим сообществом. В качестве гипотезы можно высказать тезис, что здесь особенно преобладает фактор ситуативности, в том числе отраслевая занятость работников, наличие предпринимательского сегмента, отсутствие видимой демонстрации к этнической идентичности через религиозный фактор, преобладание практик рыночного поведения. Хотя сохранение прожива-

ющими на РДВ китайцами национальной идентификации и культурного своеобразия преобладает, но высокая степень замкнутости, дистанцированности большинства мигрантов от российского окружения нивелирует эффект раздражения у местных. Среди дальневосточников широко распространено мнение, исходящее от экспертов, что «работники из КНР приедут и уедут», а также из специфики отношений с КНР.

В 2014 г. мониторинговые исследования состояния этноконфессиональных отношений в Приморье показали, что только представители местных казачьих общественных организаций артикулировали четкую позицию в отношении граждан Поднебесной, сформулировав некий перечень претензий к китайским мигрантам, вменив им незаконную рубку леса, браконьерство, использование запрещенных в РФ агрохимикатов, разрушение плодородного почвенного слоя, производство экологически вредных продуктов [24].

Резюме. Таким образом, в регионе в начале XXI в. наблюдались разные формы интеграции трудовых мигрантов в местное сообщество, различались формы солидаризации прибывших на заработки и проявлялась определенная зависимость между ними. В начале XXI в. сами трудовые мигранты находились в сложном и дифференцированном состоянии с точки зрения интеграции, что может усиливать их агрессию, коллективное противостояние элементам антимигрантских фобий со стороны дальневосточного сообщества. С другой стороны, принимающее сообщество очень медленно воспринимает трудности мигрантов как проблему гражданского общества. А пореформенная государственная миграционная политика оказалась не в состоянии вывести общество из «исторической ловушки». Историческая ловушка в рассмотренном контексте – это общественная ситуация с признаками конфликтности, преимущественно в латентной форме, и формируется она спецификой адаптационных стратегий и у мигрантов в принимающем обществе, и у принимающего общества в отношении мигрантов. Возникла она в начале XXI в. на юге Дальнего Востока в результате столкновения разных форм общественной самоорганизации – институтов формирующегося гражданского общества принимающей стороны и социальных сетей, функционирующих на основе традиционных родственно-соседских или земляческих связей иностранных трудовых мигрантов. Сегодня ситуация в регионе находится на исторической развилке. Один из путей решения видится в сбалансированности деятельности органов власти

и общественных объединений, организованных по этническому принципу, в сторону ориентации их на участие в мероприятиях, отражающих общие социально-экономические и культурные ценности дальневосточников. Другой путь – ориентация трудовых мигрантов в период обустройства на ресурсы НКО, созданных на основе гражданских ценностей.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президиума ДВО РАН 15-I-9-009 «Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур Тихоокеанской России (1985–2015 гг.)»

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белоглазов Г.П., Ващук А.С., Ларин В.Л. Иностранные мигранты и миграционные процессы на российском Дальнем Востоке (вторая половина XX в. – начало XXI в.) // Миграции населения Азиатской России, конец XIX – начало XX вв. Новосибирск: Параллель, 2011. 392 с.
2. Ваххабиты, как правило, не строят мечети, а их захватывают – религиовед // Портал «Ислам и общество». URL: http://islamio.ru/news/society/vakhkhability_kak_pravilo_ne_stroyat_mecheti_a_zakhvatyvayut_religioved/ (дата обращения: 10.09.2016).
3. Ващук А.С. Адаптация этнических мигрантов из СНГ в Приморье (90-е годы XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.: сб. науч. ст. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 158–176.
4. Ващук А.С., Шишкина О.Е. О состоянии административной деликтности в сфере миграций в 2010–2014 гг. (на материалах Приморского края и Амурской области) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 3. С. 90–100.
5. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Отгиск, 2013. 624 с.
6. Гельбрас В.Г. Китайская реальность в России. М.: Муравей, 2001. 319 с.
7. Доклад о состоянии гражданского общества в Приморском крае за 2014 год. – Владивосток, 2015. 60 с. // Общественная палата Приморского края. URL: <http://www.primorsky.ru/obshchestvennaya-palata/> (дата обращения: 10.09.2016).
8. Доклад о состоянии гражданского общества в Приморском крае за 2015 год. Владивосток, 2016. 155 с. // URL: <http://www.primorsky.ru/>

- obshchestvennaya-palata/ (дата обращения: 10.09.2016).
9. Доклад о состоянии и развитии гражданского общества в Хабаровском крае. 2015 год. Общественная палата Хабаровского края, 2015. 133 с. URL: <http://www.opkhv.ru/files/files/2016/bdf35daecf9549bbdfd.pdf> (дата обращения: 10.09.2016).
 10. Доклад о состоянии и тенденциях развития гражданского общества в Амурской области в 2014 году. Благовещенск, 2015. 47 с. URL: http://www.opamur.ru/?page_id=199 (дата обращения: 10.09.2016).
 11. Дробужева Л. Проблемы толерантности в отношении к мигрантам // Миграции в России 2000–2012. Хрестоматия в трёх томах. Т. 1. Ч. 2. М.: Спецкнига, 2013. С. 789–801.
 12. Друзяка А.В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на Юге Дальнего Востока (1858–2008). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. 290 с.
 13. Дятлов В.И. Китайские мигранты в современной России: практики взаимной адаптации // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008. С. 180–185.
 14. Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в Современной России: динамика формирования стереотипов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 451–484.
 15. Ермак Г.Г. Отчет «О проведении опроса общественного мнения о проблемах миграции и межкультурной интеграции в г. Владивостоке», июнь 2014 // Архив ЦИПМО ИИАЭ ДВО РАН.
 16. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.
 17. Интервью А.С. Ващук в 2014 (№ 1-12) и 2015 (№ 13-25) // Личный архив А.С. Ващук.
 18. Исторические проблемы социально-политической безопасности Российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 224 с.
 19. Киреев А.А. Диаспоризация китайских мигрантов на территории российского Дальнего Востока. URL: <http://ifl.dvfu.ru/files> Известия Восточного Института/Архив/18/06.pdf (дата обращения: 15.08.2016).
 20. Козлов Л.И. Диаспоры в региональном политическом процесс на Дальнем Востоке России // Россия и АТР. 2010. № 1. С. 128–136.
 21. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточ. кн., 2009. 512 с.
 22. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 423 с.
 23. Малашенко А.В., Старостин А.Н. Ислам на российском Дальнем Востоке // Россия в глобальной политике. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Islam-na-rossiiskom-Dalnem-Vostoke-18276#disqus_thread (дата обращения: 10.09.2016).
 24. Межэтнические отношения в Приморском крае: состояние и тенденции развития»: мониторинг состояния межэтнических отношений и предупреждения конфликтных ситуаций: аналитический отчет, август 2014 // Архив ЦИПМО ИИАЭ ДВО РАН.
 25. Миграционный фактор и этноконфессиональная ситуация в оценках лидеров диаспорных групп: мониторинг состояния межэтнических отношений и предупреждения конфликтных ситуаций. Аналитический отчет, октябрь 2014 // Архив ЦИПМО ИИАЭ ДВО РАН
 26. Мищук С.Н. Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве Дальнего Востока России // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 1. С. 38–48.
 27. Организация ПРОО «Миграция» // сайт List-Org. URL: <http://www.list-org.com/company/6812495> (дата обращения: 10.09.2016).
 28. Отчет о состоянии этноконфессиональных отношений в Приморском крае, сентябрь 2012 // Архив ЦИПМО ИИАЭ ДВО РАН.
 29. Проблемы мигрантов на Дальнем Востоке обсудили в Биробиджане. Мониторинг СМИ. URL: <http://dialog.pronko.org/monitoringsmi/news/problemy-migrantov-na-dalnem-vostoke-obsudili-v-birobidzhane> (дата обращения: 10.09.2016).
 30. Прохорова А. Политика интеграции мигрантов в России; пример оценки с использова-

- нием индекса интеграции MIPEX // Демоскоп Weekly. № 479–480. 26 сентября – 9 октября 2011. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit05.php> (дата обращения: 10.12.2014).
31. Пушкарев С. Новые правила регистрации не должны ударить по россиянам // Primamedia.ru. URL: <http://primamedia.ru/news/politics/10.01.2013/250139/novie-pravila-registratsii-ne-dolzhni-udarit-po-rossiyam-sergey-pushkarev.html> (дата обращения: 10.09.2016).
32. Семенов И.С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 8–23.
33. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 40–59.
34. Тишков В. После многонациональности // Миграции в России 2000–2012: хрестоматия в 3 т. Т. 1. Ч. 2. М.: Спецкнига, 2013. С. 802–819.

The problem of labour migrants is analyzed on the synthesis of the socio-political approach and ethno-sociological method that allows, on the obtained research data, coming to the conclusion that: in the Far East, migrant workers and the host community fall into a "historical trap" in the period of transformations. It appears as a result of the collision between different forms of social self-organization: emerging institutions of civil society and labour migrants in the region. The latter tend to the community or the groups which are at the stage of diasporization. The factor of identity is taken into account.

Keywords: Russia, Russian Far East, civil society, labor migrants, identity, ethnicity, traditions.